

Сов. культура, 1967, 4 апр.

Г. ТОВСТОНОГОВ

БИЛЕТ В 110-й РЯД...

МЫ КАК-ТО закрываем глаза на то, что лучшие театральные спектакли, по поводу которых ведутся ожесточенные споры в печати, даже за целый сезон видят всего лишь несколько десятков тысяч зрителей. Мы закрываем глаза на то, что миллионы читателей, к которым обращаются критики за окончательным судом или от имени которых судят критики, вынуждены выступать в качестве судей по делу, о котором они знают очень мало, да и то с чужих слов. Я полагаю поэтому, что театральные премьеры надо показывать по телевидению. Пусть это будут премьеры для всех! Удачливости для немногих превратится в радостное событие для всех и лишь постольку в общественное событие, в явление общенациональной культуры...

Л. ШУГОЛЬ.

МОСКВА.

Письмо, отрывок из которого напечатан, мы показали главному режиссеру Ленинградского государственного академического БДТ имени Горького, народному артисту СССР, лауреату Ленинской премии Г. А. Товстоногову.

Сегодня режиссер отвечает автору письма (и, как вы увидите, не ему одному) на страницах газеты.

ТО, О ЧЕМ говорится в письме Л. Шуголя, волнует многих. С пожеланиями такого рода телезрителям часто обращаются к руководителям театров и в редакции газет.

Поэтому надеюсь, что тов. Шуголь не будет на меня в претензии,

помешали нам кинокартины «Идиот», «Я, бабушка, Илико и Илларион». А телефильм «Лиса и виноград», снятый по нашему спектаклю, не только не сократил, но даже продлил его жизнь на сцене.

— Но если это так, чем объяснить, что премьеры вашего театра не показывают телезрителям? Вы опасаетесь убытков, если покажете постановку на телеэкране до того, как к ней начнет падать интерес публики?

— Есть более важные причины, хотя финансовые соображения играют, конечно, немалую роль. Но допустим, что материальные вопросы решены, что театрам и авторам не только не убыточно, но даже выгодно играть премьеры по телевидению. Даже при этом, с моей точки зрения, показ спектаклей по телевидению наносит театру ущерб художественный.

У зрителя в театре только одна точка зрения — она определена на весь спектакль его местом в зале. Зритель кино и телевидения по воле режиссера и оператора меняет ее непрерывно: смотрит на происходящее сверху, снизу, отдалаясь, приближаясь. В театре зритель все происходящее на сцене видит только своими глазами. Он, пользуясь терминологией Брехта, отчужден от спектакля. Теле- и кинозритель смотрит на происходящее перед ним то своими глазами, то глазами одного, другого или третьего персонажа.

В театральном спектакле может быть сцена, когда герой пьесы, не подозревая грозящей ему беды, спокойно и неторопливо движется навстречу своей гибели. Драматическое напряжение растет по мере того, как сокращается расстояние между полюбившимся нам героем и его врагами. На экране телевизора длинный проход героя будет невыразителен. Человек,

движущийся, скажем, по огромному пустырю, будет выглядеть муравьем. Прочсть по его лицу или фигуре, что с ним происходит, окажется невозможным. Если актера «брать» крупным планом, то зрители потеряют ощущение, насколько он приблизился к засаде. С таким эпизодом мы столкнулись в телевизионной постановке «Дело по обвинению» Хантера. Его надо было решить не театральным, а кинематографическим способом, то есть средствами монтажа: движение героя, показанное то общим, то средним, то крупным планом, перемежалось с показом его убиий. Иными словами, увеличить количество «точек зрения». Соглашались, что только одно это отличие театра от телевидения требует принципиально различного построения спектакля театра и телеспектакля.

Показ спектакля из зала театра во время действия (а именно этого и хотят авторы многих писем) зачастую просто невозможен. Телевидение требует значительно больше света, чем театр. То, что для зрителя в зале яркий солнечный день, для телеаудитории — поздние сумерки... Те, кто смотрит спектакль в театре, и те, кто знакомится с этим же спектаклем по телевидению, видят разное. И либо одни, либо другие видят совсем не то, что задумано драматургом, режиссером и актерами.

Довольно большие телевизионные намерения приходится размещать в зале не там, где нужно, а там, где можно. А это значит, что весь спектакль телезрители будут воспринимать глазами театрального зрителя, сидящего на самых неудобных местах — сбоку и далеко. Ну, а если по ходу спектакля персонажи пьесы располагаются по краям сцены, телекамера «увидеть» сразу обоих героев просто не может. А если и может, то герои эти будут выглядеть так, будто зрители их видят не из 10-го, а из 110-го ряда. Думаю, что многие от билетов в 110-й ряд откажутся...

Перечислять то, что допустимо в театре и недопустимо на телевидении, и наоборот, можно бесконечно. Но главное обстоятельство, делаю-

щее театр и телевидение разными искусствами, — различные связи этих искусств со зрителем. В театре зритель участвует в создании спектакля. Его дыхание, шепот, напряженная тишина или взрывы смеха и аплодисментов воздействуют на актеров не меньше, чем актеры воздействуют на зрителей. Для подотра тысячу людей, сидящих в зале, надо иначе играть, чем для телекамеры. Мало знать, что, пройдя сложный путь, изображение актера и звук его голоса через доли секунд попадут на сотни тысяч маленьких экранов, перед которыми сидят миллионы зрителей. Это зрители лишь воображаемые. В процессе творчества они не участвуют. Техника, вставшая между актером и зрителем, требует от актера иного способа существования, иного способа игры. И от телезрителя эта техника требует иного способа восприятия, иной работы воображения.

— Конечно, известные потери при перенесении спектакля на телеэкран неизбежны. Но телезрители готовы смириться с этим. Лучше увидеть хороший спектакль с некоторыми потерями, чем не увидеть его вовсе. Миллионы людей, живущих не в Москве или Ленинграде, с помощью техники имеют возможность приобрести к сокровищам Третьяковской галереи и Эрмитажа, услышать прославленный симфонический оркестр или выдающегося певца. Вы же не против распространения репродукций, записей музыки на пластинки или пленку? Фильмы-спектакли разве не выполняют те же функции?

— На большое искусство имеют право все зрители Советского Союза. Поэтому не только художественные коллективы, но даже картинные галереи отправляются на гастроли. Что касается размноже-

ния и «консервирования» произведенного искусства, следует отделить искусства, поддающиеся такой фиксации и не поддающиеся ей. Впечатление от репродукции, фотоальбомов архитектурных памятников, патефонных записей музыки, конечно, нельзя сравнить с непосредственным восприятием картины, архитектурного ансамбля или музыкального коллектива, но если качество печати и записи на хорошем уровне, обладатели копий непременно получат известное эстетическое удовлетворение. Художественный образ, естественно, потеряет силу, но не будет искажен. Но не всякое искусство можно доставить на дом. Не всякое искусство поддается копированию, тиражированию и механической записи. Искусство театра, рассчитанное на одновременное восприятие многими зрителями, собранными вместе, принадлежит именно к такому не поддающемуся фиксации искусству. В этом его специфика, его слабость, но, может быть, и сила.

Фильмы-спектакли, в свое время заполнившие экран, — лучшее тому подтверждение. Перестав быть спектаклями, они не стали кинофильмами. «Гибрид» театра и кино был в равной мере чужд и одному, и другому искусству. Телефильм «Лиса и виноград», снятый по спектаклю театра, был самостоятельным произведением, а не его кинокопией. Восемьдесят лет работа над ним, видимо, увенчалась успехом (он был премирован на Международном фестивале телефильмов в Монако) и принесла театру не огорчение, а радость, потому что и для нас, и для зрителей это было вторым рождением спектакля.

Трудно подыскать параллель, но представьте себе, как будет искажена мысль и нарушена гармония, если, допустим, увеличить иранскую миниатюру до размеров фрески,

как неизменно изменится музыка, написанная для клавесина, а сыгранная, скажем, на трубе.

— Вы имеете в виду механическое перенесение спектакля на экран. Но известны примеры творческого перевода искусства театра на язык другого искусства: «Вестсайдская история», «Моя прекрасная леди» и др.

— Эти примеры не опровергают, а подтверждают мою точку зрения. Спектакль и фильм «Вестсайдская история» — произведения разные. Я видел фильм, а не спектакль, но польский исследователь американского кино и телевидения Ежи Теплиц утверждает, что «в фильме иная, чем в спектакле, пластическая концепция, драматургическая конструкция, соответственный ритм, иной актерский состав».

Телевидение, как и кино, и театр, имеет свой образный язык. То, что этот язык во многом похож на язык театра и кино, не делает телевидение искусством второсортным. Соединение театра и кино, если они не механически сложены, дает совершенно новое, особое искусство, законы которого еще только-только складываются.

— Не думаете ли вы, что основные потери спектакля театра на телеэкране вызваны недостатками телевизионной техники? Она, как мы знаем, совершенствуется. Не за горами цветное телевидение, значительное увеличение размеров экрана и т. п.

— Не сомневаюсь, что в ближайшие годы техника телевидения позволит нам показать мир и людей такими, какие они есть, без помех и искажений, но проблему, которую мы сейчас рассматриваем, это не решает. Напротив, чем успешнее будет развиваться телевизионная техника, чем скорее сольются технические и

творческие возможности телевидения, тем раньше сложится телевизионная эстетика, телевизионное искусство. Чтобы спектакль театра с экрана телевизора продолжал воздействовать на зрителей как произведение искусства, он прежде всего, как это ни парадоксально, должен перестать быть театральным спектаклем. Он должен стать телеспектаклем. То есть перейти в другой ряд, другой вид, жанр искусства, искусства, строящегося по иным, чем театральные спектакль, законам. Неведенце, пренебрежение этими законами делает даже хороший спектакль плохим, беспомощным кинофильмом. Как правило, он немыслимо длинен, фальшив и непонятен. Авторская мысль и режиссерское решение выглядят назойливыми и примитивными, актеры — неестественными, декорации — декорациями.

Вот ведь играли мы спектакль «Идиот» Ф. Достоевского по телевидению. Спектакль, прошедший около двухсот представлений и пользующийся успехом, на этот раз не оставил сколько-нибудь заметного следа в памяти зрителей. Эта передача прочно забыта. После передачи по телевидению мы «Идиота» перестали играть. Через несколько лет постановка была возобновлена в новой редакции.

Телекамера требует специального сценария, специальной режиссуры, специальных декораций и соответственной актерской игры. Переделки и изменения, необходимые для того, чтобы театральные спектакли стали телевизионными, таковы, что, по существу, равны созданию нового произведения искусства. Поставить телеспектакль по спектаклю театра, конечно, возможно. Но важно понять, что это будет новый, другой спектакль.

— Очевидно, и нужны специальные телевизионные варианты наиболее значи-

тельных театральные спектаклей. — А не лучше ли создавать не телевизионные спектакли театра, а специально предназначенные для телеэкрана постановки? Режиссеру и коллективу театра трудно сразу после выпуска спектакля ставить его вторично. Может быть, лучше использовать время, средства, энергию для постановки новых пьес?

— Не правильнее ли создавать репертуар телевизионного театра без оглядки на театр драматический? Я и актеры нашего театра любим телевидение и отдаем ему немало сил. Мне интересно телевидение именно тем, что оно не театр. Не нам судить, хороши ли наши телепостановки, некоторые из которых вы, очевидно, видели («Если позволит товарищ...», «Мститель», «Гром на улице Платанов» и «Дело по обвинению»). Заверяю телезрителей, что, работая на телевидении, мы так же требовательны к себе, как и в театре. Хотя, конечно, получается далеко не все...

— Если ваши аргументы и убеждают телезрителей, они не снимут огорчения: премьеры лучших театров они так и не увидят.

— Могу только повторить: если спокойно, без предвзятости взвесить все «за» и «против», придется к выводу: театр должен делать свое дело, телевидение — свое. Да, телевидение имеет миллионную аудиторию. Театр по сравнению с ним — искусство камерное. Но в этом его природа. Законы природы, как и законы искусства, ни обойти, ни обмануть нельзя.

Книжечность и пренебрежением к интересам зрителей, а желанием создавать для них подлинное и оригинальное телевизионное искусство, не нуждающееся в телекопиях других искусств, продиктован этот ответ.